

ЮБИЛЯРУ НА ПАМЯТЬ

ДУША ЕЁ СИЯЕТ ДОБРОТОЙ

Открытый, приветливый взгляд, лучистые добрые глаза, озаряющие загорелое от частого пребывания на свежем воздухе лицо, убелённые сединой волосы, натруженные, по-крестьянски жилистые руки, ладно скроенная, сухонькая, но крепкая ещё фигурка. Таков сегодняшней портрет достойнейшей жительницы деревни Саутино Эммы Николаевны Мышиной.

Впервые я познакомилась с этой удивительно обаяющей пожилой женщиной несколько лет назад: она была признана победительницей ежегодного районного конкурса «Ветеранское подворье». Уже тогда поразила всех бойким нравом, неугомонным характером и тем, что в свои более чем почтенные годы держала двух коров, бычка и овец. Так вот, дорогие мои читатели, Эмма Николаевна и до сих пор держит двух коров и бычка и пасёт их сама ежедневно. А ведь ей в будущем понедельник исполнится, вы себе не представляете – девяносто лет!

Впрочем, ей эти годы никак не дашь, она по-прежнему живая, шустрая и в стремлениях, и в разговоре. Слушать её одно удовольствие, настолько эмоциональна и колоритна её речь, настолько она наблюдательна, настолько живо умеет передать свои яркие жизненные впечатления.

– Родилась я в Титове, в Талицкой стороне. Там моя родина, – уважительно качнула она головой. – Мама с папой – Ксения Ивановна и Николай Матвеевич Волковы – были колхозниками. И я была Волкова. Окончила семь классов. Училась хорошо, мои тетрадки на красную доску учительница вывешивала. Писали мы тогда перьевыми ручками. Буквы надо было выводить с нажимом: одну линию тонко, другую толсто. Я красиво писала, правда!

После окончания семилетки поехала Эмма в Вологду, поступать в медицинское училище. Примером для неё послужила старшая сестра Руфина, которая уже работала фельдшером в Несвойской больнице.

Эмма Николаевна по-прежнему живая, шустрая и в стремлениях, и в разговоре. Слушать её одно удовольствие, настолько эмоциональна и колоритна её речь, настолько она наблюдательна, настолько живо умеет передать свои яркие жизненные впечатления.

– Вот я по её стопам тоже и поступила в медучилище, – машет рукой для убедительности Эмма Николаевна. – Полтора года учиться было очень тяжело, ведь кроме специальных предметов надо было школьную программу за десять классов освоить.

Впрочем, учёба в училище молодой Эмме давалась легко. Она от природы была способной, все экзамены сдавала только на четыре и пять.

– А как мы тогда жили-то, милье! – зажмурив глаза, хватается она за голову. – Приехала я учиться

– ни в себя, ни на себя ничего не было. Городские-то в туфельках ходили, а я – в сапогах, мне папа хромовые сапожки сшил. Да не я одна, все тогда такие были. Сдадим, было, очередной вступительный экзамен, скинем сапоги, да и понесёмся босиком на рынок. Тогда же всё по карточкам было, мы жили впроголодь. Хорошо, что старшая сестра, Царство ей Небесное, мне помогала, раз в две недели я к ней ездила. Но молодость брала своё: бегали мы и на танцы, и в кино, и кружки у нас разные были. Учитель у нас в училище хороший был. Когда домой на каникулы соберёмся, скажет: «Кирилловские! Я вам дополнительно даю три дня». Вот мы и поедем на поезде до Шексны или до Чёбсоры, а оттуда до Титова ещё 60 километров идём пешком. Со мной вместе ещё одна девушка из наших мест училась. До чего мы с ней дойдём, что последние шаги не знаем как и сделать. А дома мама уже горячими мясными щами и свежим хлебом встречает. Мы ведь особо не голодали, у нас колхоз «Земледелец» хлебный был, на трудодни колхозникам много зерна давали. Не успею поест, как в окошко уже стучают: «Эмма, пошли на беседу!» И ведь побегу: усталости как не бывало!

Ещё не получив диплом, Эмма подала заявление, в котором выразила желание поехать на работу в Чагоду.

– Приехала домой, а мама мне и говорит: «Куда ты в далину-то такую поедешь? Устраивайся лучше в Кириллов!» И я послушалась маминых слов, – вспоминает Эмма Николаевна. – Направили меня в Вогнему. Там я отработала пять

годов. Работать тогда было, не сравнишь с тем, что сейчас. Людей на приёмах много, вызовов много, рожениц много, а ходить надо было всё пешком. Ни днём, ни ночью не было никакого покоя. Мы работали вдвоём со стареньким фельдшером, с работой справлялись. А потом фельдшер внезапно умер. Я так плакала на кладбище! Я ведь ещё была-то дитё дитём, восемнадцать лет всего. Вот так осталась я на медпункте одна. Не помню, сколько так работала, но потом дали мне второго фельдшера.

Жительница деревни Саутино, оптимистка по жизни и вечная труженица Эмма Николаевна Мышина.

К сожалению, новый фельдшер оказался большим любителем выпить. И от этого его пристрастия страдала семья, которую, напившись, он гонял по округе. Страдала и молоденькая Эмма, потому что помощи от него в такие дни она не видела, а вся работа ложилась на её плечи.

К счастью, вскоре Эмма Николаевна встретила своего любимого Юрочку, Юрия Тимофеевича Мышину, вышла замуж и переехала в Саутино. Это сейчас Саутино тихая деревушка, затерянная в полях и лесах Горичского поселения, а в ту пору это был центр достаточно густонаселённого округа. Здесь Эмма Николаевна отработала пятьдесят лет, снискав себе любовь и уважение всего местного населения. А общий её трудовой стаж, выходит, больше шестидесяти лет.

– Здесь мне полегче работалось, – признаётся она. – Народу, конечно, тогда порядочно было, рожениц и детей тоже хватало, но я всё успевала. Акклиматизировалась на новом месте очень быстро. Мой Юрочка, Юрий Тимофеевич, работал в колхозе бригадиром. Работал долго, пока не свалил его тяжёлый недуг. Он упорно сопротивлялся болезни, но семь лет назад после очередного инсульта всё же ушёл из жизни.

Эмма Николаевна с мужем до преклонных лет держала много домашнего скота.

– Две коровы, телёнок, поросята, овец до пятнадцати штук. А сена-то сколько накопится надо! Тогда ведь косили под десять процентов: десять стогов колхозу, один себе. Так что траву собирали по всяким местам: то у кустов, то у лесу. Лён, было, дёргаем, где-то небольшую межу с травой увидим, так

выкосим да домой на плече и тащим. А ведь ещё и огород. Как всё успеть? Только если всё бегом! И до сих пор так, – закинув голову, залиvisto смеётся она.

Оставшись без мужниной поддержки, Эмма Николаевна, несмотря на свой почтенный к тому времени возраст, не захотела расстаться с хозяйством: неугомонный её характер и по сей день не

Сергей Никешин: «Француженка снимала здесь всё подряд: коров, овец. А от тётки Эммы была просто без ума. Позже во Франции эти её фотографии имели очень большой успех. Так что тётка Эмма у нас теперь международная знаменитость».

даёт ей сидеть на месте. В августе этого года телёнок, наступив ей на ногу, переломал кости на ступне. Тот, кто подумал, что это обстоятельство заставило Эмму Николаевну, наконец-то, лечь в постель, глубоко ошибается. «Не могу я весь день на диване сидеть! Кто коров пасти будет?» – возмутилась она. В больнице ей на ногу наложили лангетку, и, опираясь на две палки, Эмма Николаевна тут же отправилась на выпас.

Впрочем, закалка у неё ещё та! Эмма Николаевна теперь и сама удивляется, как её на всё хватало в молодые годы. Скотины они с мужем, как и жить начали, держали полный двор. Обрядив с утра пораньше домашних животных, бежала она за три километра на медпункт. В Саутино-то Мышины позже переехали, а сначала жили в Кудряшове. А в семье уже подрастала дочка.

– Свекровь со свёкром ещё работали, некому нянчиться. Хорошо, что была в деревне такая Мария Васильевна Жукова, вот она и выручала, присматривала за Люд-

милой, – продолжает свои воспоминания Эмма Николаевна. – Кроме своей-то работы, была ведь ещё и шефская. То стога метать, то лён убирать. Рабочих рук в колхозе не хватало, доярки приезжие, было, запьют, коровы стоят не доены. Вот мы с учительницей, в деревне тогда начальная школа была, и пойдём их доить. Всё спознали: и землю-матушку, и животноводство. А ведь и дома хозяйство, да ещё вызова к больным, да всякие конференции. У меня общественной работы было чуть ли не больше, чем основной! Всякие агитколлективы да проработка правительственных документов, да собрания. Я со всеми людьми дружно жила. У меня такая должность была: каждому надо уноровить, пролечить, проконсультировать по заболеванию. Вот и крутилась, как белка в колесе. Я и сейчас годам не поддаюсь: летами сама пасу коров, и пирогов напеку, и гостей принять люблю. Конечно, Людмила с зятем очень помогают.

Эмма Николаевна гордится дочерью, зятем, внуками и правнуками: рассказывая о них, она поднимает вверх два больших пальца и восклицает: «Во!» Потом добавляет: «Все ко мне хорошо относятся, все ласковые и внимательные. И всё мне переделают: огород вспашут, картошку посадят и выкопают, овощей наростят, сена накосят. А нынче мне в доме и ремонт к юбилею сделали».

Это не удивительно, потому что Эмму Николаевну невозможно не любить, настолько она позитивный, ласковый и светлой души человек. «Тётка Эмма – моя вторая мама», – обнимая светящуюся добротой пожилую женщину, говорит друг семьи Мышиных Сергей Никешин.

– Её теперь ведь даже во Франции знают! – с гордостью сообщил

он. – Несколько лет назад у меня в гостях в составе группы иностранцев побывала председатель общества франко-русской дружбы. Они попросили меня показать им настоящую русскую бабушку. И я привёз их к тётке Эмме. Эта француженка снимала здесь всё подряд: коров, овец. А от тётки Эммы была просто без ума. Позже во Франции эти её фотографии имели очень большой успех. Так что тётка Эмма у нас теперь международная знаменитость.

А «международная знаменитость» угощала нас рыбниками и ягодниками, которые собственноручно испекла накануне, расхваливала вкуснейшие рыбные консервы зятя, свою жаркую печку, сияя добротой мудрых и ласковых глаз.

– Я всегда живу эмоционально положительно, – храбро утверждает она. – И слава Богу!

Татьяна
ПОГОДИНА

Фото С. Никешина